

Профессор д-р Олег Геннадьевич Казак, Республика Беларусь

*Кафедра политологии Белорусского государственного
экономического университета
Минск*

ИСТОРИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ АЛЬТЕРНАТИВНОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

(На материалах западнополесского
этнополитического движения в Беларуси)

Аннотация

В статье рассматриваются основные инструменты конструирования собственного исторического нарратива активистами западнополесского движения во главе с Н.Н. Шеляговичем в позднесоветский период и в первые годы существования суверенной Беларуси. Анализируются различные источники (материалы газет «Балесы Полісься» и «Збудінне», обращения лидеров движения в органы власти), посредством которых активисты этнополитического движения пытались обосновать национально-культурную самобытность жителей Брестской области Беларуси и их право на получение автономии.

Ключевые слова: *западнополесское этнополитическое движение, историческая память, исторический нарратив, ятвяжская теория.*

В период трансформации общественно-политического уклада Беларуси во второй половине 1980-х – первой половине 1990-х гг.

предпринимаются попытки конструирования и внедрения альтернативных воззрений, учений, идеологий. Отдельные общественные активисты с их помощью начали оспаривать реалии позднесоветского строя, а затем включились в создание воображаемых сообществ, поддержание воззрений о необходимости и пользе существования данных сообществ и, в последующем, борьбу за власть. Во второй половине XX в. в мире наблюдается процесс, который российский историк И.И. Курилла назвал «дроблением прошлого»: «Социальные группы, ранее не имевшие голоса, начали обретать субъектность, и вот уже в американской историографии появились “женская история” и “история афроамериканцев”, а европейские историки начали активно разрабатывать различные варианты истории регионов, не совпадающих с государственными границами. Зачастую само создание такой истории становилось мощным механизмом формирования группы с политическими амбициями. Политики, контролирующие государственный аппарат, утратили монополию на постановку вопросов перед прошлым, хотя в некоторых случаях они пытались запретить поднимать некоторые вопросы или затруднить поиск ответов на них» (Курилла 2023, 16). Критика господствующего общественного строя, конструирование собственных идеологем, компиляция элементов воображаемого порядка и объективной реальности привели к формированию нарративов, целью которых являлось создание новых моделей исторической памяти. Один из таких нарративов был предложен активистами западнополесского этнополитического движения во главе с Н.Н. Шеляговичем, которое разворачивалось в Беларуси в конце 1980-х – первой половине 1990-х гг. Участники движения утверждали, что автохтонное население части современной Брестской области Беларуси является отдельным народом (полешуками, ятвягами), и требовали от властей предоставления региону его проживания автономного статуса.

О. Цадко, исследовавшая процесс конструирования активистами западнополесского движения собственного исторического нарратива, отмечает: «Процесс конструирования истории является неотъемлемой частью националистического строительства. Полесская государственность не имела устойчивой исторической традиции, и потому местное население характеризовалось слабой этнической идентичностью, отсутствием связи с общим прошлым. Целью общества Н.Н. Шеляговича стало конструирование новой истории, которая позволила бы полешукам самоидентифицироваться

и, что не менее важно, дистанцироваться от соседних славянских народов» (Цадко 2013). Украинский исследователь Г. Касьянов выделил несколько моделей исторической памяти (эксклюзивная, инклюзивная, амбивалентная). Касательно западнopolесского движения можно утверждать, что его идеологи четко придерживались эксклюзивной модели. Она навязывает каноническую гомогенную версию национальной памяти, исключает из нее набор представлений и репрезентаций прошлого, который мешает формированию ее «правильного» варианта, изымает из прошлого «чужеродные» элементы. Реализация такой модели, как правило, направлена на культурную и политическую гомогенизацию, отрицает плюрализм (Касьянов 2019, 38). «Архитекторы западнopolесской истории» разработали практически все элементы, необходимые для существования любой национальной идеологии, включая миф о происхождении, миф миграции, миф освобождения, миф «золотого века», миф упадка и миф возрождения (Шевченко 2008, 335). О.Ю. Малинова и А.И. Миллер оперируют категорией «политическое использование прошлого», цель которого может заключаться в следующем: стремление легитимировать собственную власть, мобилизовать электоральную поддержку, укрепить солидарность группы, продемонстрировать несостоятельность оппонентов, приобрести материальные и организационные ресурсы и др. (Малинова, Миллер 2021, 14) Данное определение точно характеризует тенденции конструирования «западнopolесской» истории.

Одним из центральных концептов нового исторического нарратива (особенно на начальном этапе функционирования движения) стала «ятвяжская теория». В 1982 г. Н.Н. Шелягович, будучи корреспондентом газеты «Голос Родины», публикует статью «Голос древних балтов», в которой шла речь о балтской природе населения Западного Полесья. Автор признавал общеизвестный факт, что племя ятвягов было славянизировано к XIII в., однако отмечал, что многие элементы ятвяжского языка сохранились в уникальном диалекте полешуков: «А вот теперь языковеды могут дополнить: голос древних балтов-ятвягов, хотя и очень измененный, еще и сегодня звучит устами их потомков. Особенно выразительно звучит этот голос на ятвяжском Полесье – Западной Брестчине. Тут сохранилось больше всего характерных древнебалтских языковых особенностей. Значительная часть слов, которыми тут называют предметы, действия, свойственные прежним временам, – балтского происхождения» (Шелягович 1982, 2).

Более подробно сущность «ятвяжской концепции» была изложена Н.Н. Шеляговичем в программной статье «Ятвяжское (полесское) возрождение», опубликованной в журнале «Белорусский язык и литература в школе» в декабре 1989 г. Автор сообщал о существовании независимой ятвяжской государственности с 944 по 1319 гг. Однако и после включения ятвяжских земель в состав Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ) они, по утверждению Н.Н. Шеляговича, сохраняли культурные особенности. Для подтверждения данного тезиса лидер Общественно-культурного объединения «Полісьсе» приводил в пример издание в 1563 г. «Ревизии Кобринской экономии» на «ятвяжском варианте восточнославянского языка», использование полесского языка в богослужениях греко-католической церкви. Н.Н. Шелягович декларировал весьма смелые политические амбиции: «Ятвяжское (полесское) возрождение. Его перспективы. Это – утверждение и полнокровное развитие ятвяжских культуры, языка, народности в соответствии с собственными силами и потребностями. Возможно, даже до уровня нации, которая станет хозяином своей не только культурной, но и политической, экономической, социальной жизни, даже до уровня нации, которая будет иметь свою государственность – полностью независимую или автономную. Но что рассуждать – время и люди скажут свое слово, выразят свои желания. Реальность же сегодняшнего дня заставляет желать значительно меньшего – ятвяжской автономной республики в составе БССР (для белорусской части этнического Полесья), регионального хозрасчета или экономической самостоятельности, приоритета местного законодательства над общеполесским, если последнее будет вредить интересам Края, и, конечно же, придание ятвяжскому языку статуса государственного в автономии при придании белорусскому статусу языка межреспубликанских отношений» (Шеляговіч 1989, 7–8).

Информация о средневековом этапе исторического развития западнополесских земель была наполнена позитивными смыслами. На страницах газет «Балесы Полісься» и «Збудінне» регулярно публиковались исторические заметки о якобы существовавшем суверенном ятвяжском государстве, его борьбе за свою независимость от Киевской Руси и Галицко-Волынского княжества, поляков, монголов и крестоносцев. Таким образом утверждалось, что период 944–1319 гг. являлся временем государственной независимости и процветания ятвяжско-полесского этноса.

В дальнейшем наибольшее внимание авторами конструируемого нарратива уделяется именно событиям Средневековья. Для активистов западнополесского движения такие интерпретации истории являлись в том числе инструментом поиска политических союзников. Так, редакция газеты «Збудінне» в приветственном «Письме литовским соплеменникам» позиционировала себя как «праправнуков древних ятвягов», у которых совместные с литовцами этнокультурные корни, древние Боги, предки и история. Заключение в 1596 г. Брестской церковной унии интерпретируется как «в какой-то степени попытка возрождения ятвяжскости». Выдвигается идея «старобалтского (ятвяжского) этнокультурного возрождения» и создания «общего подъезда народов бывшего ВКЛ в общеевропейском доме» (Lietuvos 1990, 2–3).

Сторонниками объединения «Полісьсе» создается нарратив, в который вводится ряд исторических деятелей, имеющих территориальную связь с очерченной этнической территорией Полесья. Так, уже в конце 1990 г. появляются публикации о Т. Бульбе-Боровце – украинском националисте, создателе и руководителе «Полесской Сечи», который, по утверждению автора одного из исторических очерков, во главе «десятитысячной армии ... воевал на два фронта со сталинцами и гитлеровцами» (Бульба 1990, 1, 6). «Полесским борцом за волю» назван один из руководителей польского восстания 1863–1864 гг. Р. Траугутт (Лукашэвич 1991, 2). Писатель В. Дунин-Мартинкевич был объявлен западным полешуком под именем «Вынцэнтэ Дунін-Мартынкевич» (Pynska Sliechta 1992, 4), постулируется принадлежность к западным полешукам композитора и живописца Н. Орды («Напалёна Горды») (Батюшка 1992, № 19, 2–4). Из Станислава Августа Понятовского, последнего короля Речи Посполитой, начал формироваться образ «идеального правителя» (Батюшка 1992, № 9, 2). Автор текста для плакатов с рекламой газеты «Збудінне» (1990 г.) к «полесскоязычным писателям» XIX – начала XX вв. относил поэта и революционного демократа Ф.А. Савича, этнографа и фольклориста Н.А. Янчука. Особое внимание уделялось фигуре белорусского и польского общественно-политического деятеля Р.А. Скирмунта, вероятного автора «Полесского букваря» 1907 г. (оригинальное название книги – «Русинский лементар») (НАРБ, ф. 1515, оп. 1, д. 56, л. 49).

Историческое развитие Западного Полесья после 1319 г. трактовалось как сменявшие друг друга периоды оккупации, господства

«чужих». По отношению к государствам, в состав которых входил регион, применяется негативная коннотация: «Царисты, церковники, пилсудчики и сталинисты с брежневистами долго нас дурили, долго нас калечили и мордовали» (От рыдколігіі 1989, 1–3.). Коммунизм был объявлен «глупостью» (в оригинале – «бзык») (Комунызм 1990, 4). Советская элита прямо демонизируется и аллегорически сравнивается с редким природным феноменом – крысиным королем (в оригинале – «страшны́ шчурыны́ батко»): отношение людей к советским проектам, реализованным в прошлом, метафорически ассоциировалось с «покорностью крыс крысиному королю» (Трушкун 1990, 5–6). Мелиорация, употребление нитратов и пестицидов в сельском хозяйстве приравнивались к радиоактивному загрязнению после катастрофы на Чернобыльской атомной электростанции. Советский этап истории Западного Полесья характеризовался как культурная, демографическая, экологическая катастрофа, воссоединение Западной Беларуси с БССР в 1939 г. трактовалось как величайшая трагедия в судьбе полешуков: «Вспомним же убийства людей в печально известной (не только “героическими” делами) Брестской крепости в 39–41 гг., и заполненную заключенными пинскую тюрьму, залитую водой в июне 1941 г. отступающими освободителями с востока, и бандитизм так называемых партизан, и заморенных голодом хозяев, которые не хотели идти в колхозы, и вырубленные яблони и груши, и погибших сыновей в Афганистане, и отравленную и искалеченную нитратами и осушениями землю...» (Роздум 1989, 7).

В то же время предпринимались попытки поиска элементов государственной субъектности полешуков в XX в. В письме объединения «Полісьсе», направленном председателю Верховного Совета БССР Н.И. Дементю и Комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям Верховного Совета (1991 г.), содержались сведения об истории Полесского воеводства Польши (1921–1939 гг.). Авторы письма ссылались на «сенсационный материал», недавно полученный от их «сподвижников» – отчеты Полесских воевод. Следует отметить, что в то время работа с данными историческими источниками действительно свидетельствовала о высоком интеллектуальном потенциале лидеров западнополесского движения – в научный оборот материалы о национально-культурной политике польских властей в Полесском воеводстве активно вводятся только с 2000-х гг. (работы польских и белорусских

историков В. Слешинского, П. Цихорацкого, П. Абламского, О. Латышонка, К.В. Шевченко и др.). Однако интерпретация содержания документов отличалась крайней тенденциозностью. Авторы письма приводили цитату из одного из отчетов, в котором Полесский воевода подчеркивал нежелательность влияния на жителей региона белорусских и украинских культурных институтов. На основе этого делался следующий вывод: «Это ли не красноречивый факт признания полешуков, за душу которых вели борьбу и поляки, и белорусы, и украинцы» (НАРБ, ф. 968, оп. 1, д. 4090, л. 133 об.–134). Действительно, в межвоенное время в западнополесском регионе проводилась политика, направленная на блокирование участия населения в белорусском и украинском национальных движениях, «вытравливание» прорусских симпатий. Умеренная поддержка локальной идентичности, однако, была лишь инструментом для последующей полонизации жителей края (Казак 2022, 26). В письме, адресованном депутатам Верховного Совета БССР (24 ноября 1989 г.), Н.Н. Шелягович также обращался к истории межвоенного периода: «В 1926 г. наши люди, исходя из права на свое национальное возрождение, писали письма в Лигу Наций, и оттуда приезжала комиссия, которая постановила, что наши деды не являются ни литвинами (так Н.Н. Шелягович в своих текстах именовал белорусов – О.К.), ни поляками» (НАРБ, ф. 968, оп. 1, д. 2511, л. 70). Данное утверждение выглядит как прямая фальсификация: в современной историографии известен факт работы комиссии Лиги Наций в Полесском воеводстве в 1920-е гг., но в поле зрения данной комиссии были вопросы мелиорации региона, а не этнической природы его жителей (Гарматны 2017, 63).

Итогом деятельности движения стала систематизация исторического нарратива известным философом, сотрудником Академии наук Беларуси Г.А. Антонюком в работе «Западные полешуки: их путь во всемирной истории». Любопытно, что коллеги Г.А. Антонюка положительно оценивали его участие в западнополесском движении. На заседании кафедры философии 3 ноября 1992 г. обсуждалась возможность представления Г.А. Антонюка к ученому званию профессора. В ходе заседания А.И. Осипов заявил: «Гражданская позиция Г.А. Антонюка отличается активностью и неравнодушием. Он активно участвует в общественно-политической жизни Республики. Им опубликована серия материалов в периодической печати по проблемам возрождения и развития национальных

меньшинств в Беларуси (западные полешуки). Полагаю, что Антонюк Г.А. заслуживает присвоения ученого звания профессора» (ЦНА НАНБ, ф. 1п, оп. 1, д. 126, л. 3–4).

Формирование западнополесского этноса Г.А. Антонюк относит к X–XV вв., однако предпосылки этого процесса видит уже в V в. (Антонюк 1993, № 6, 2). Государствами западных полешуков названы Турово-Пинское княжество, Берестейская земля, Владимиро-Волыньское, Кобринское, Пинское, Галицко-Волыньское княжества. XIV в. определен как время ликвидации западнополесской государственности (Антонюк 1993, № 7, 2). Однако в документах канцелярии ВКЛ «старозападнополесский язык» якобы был существенным, если не преобладающим компонентом старославянского языка (Антонюк 1993, № 7, 2).

Заключение Люблинской унии, по мнению Г.А. Антонюка, стало водоразделом, после которого началась деградация западнополесского этноса (Антонюк 1993, № 8, 2). Существование в составе Речи Посполитой, Российской империи, межвоенной Польши, СССР названо «многосотлетним национально-этническим угнетением» Антонюк 1993, № 8, 2), процессом деэтнизации западных полешуков (Антонюк 1993, № 9, 2); территория региона трактуется как «постоянное поле битвы различных народов и государств за свои интересы» (Антонюк 1993, № 7, 2). Процессы, начавшиеся со второй половины 1980-х гг. в Беларуси, характеризуются как стихийная деятельность сознательных западных полешуков (Антонюк 1993, № 9, 2).

Интерпретация Г.А. Антонюком «ятвяжской теории» являлась проявлением более реалистичной тенденции рассматривать ятвягов как один из компонентов населения края, признавая очевидную славянскую составляющую этнической группы. Данный взгляд возобладал в среде активистов западнополесского движения в начале 1990-х гг. Г.А. Антонюк последовательно обосновывал тезис о существовании отдельного западнополесского народа, однако не абсолютизировал ятвяжский фактор в его этногенезе: «Западнополесский этнос сформировался на древнеславянской основе из дулебов (волянян, бужан), дреговичей, древлян. В его формировании участвовали также мазовшане, некоторые балтские племена, в частности, ятвяги и другие народы (Антонюк 1993, № 8, 2). ... Еще в середине XIX в. на территории Кобринщины было официально зарегистрировано в качестве ятвягов около 20 % населения.

Однако к настоящему времени ятвяги полностью интегрировались с остальной частью коренного населения Западного Полесья, внеся в западнополесский этнос элементы своей культуры, генофонда, психического склада и др. и тем самым обогатив его (Антонюк 1993, № 9, 1)».

В некоторых документах объединения «Полісьсе» балтская природа полешуков никак не акцентировалась, а сами они трактовались как четвертый восточнославянский народ. Такая оценка приводится, в частности, в упомянутом письме общества Н.И. Дементею и Комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям Верховного Совета (1991 г.) (НАРБ, ф. 968, оп. 1, д. 4090, л. 133).

В 1992 г. Н.Н. Шелягович в статье для «Пинского вестника» привел различные гипотезы трактовки термина «ятвяги»: балтское племя, языческие священники, искаженное наименование «Гетвязи» (края готов), «исполнители священных гимнов» (исходя из традиций зороастризма), «большая вода» (в угорских языках). Обращает на себя внимание апелляция лидера западнополесского движения ко временам язычества (классическая характеристика ранних этапов нациестроительства – «удревление» истории конструируемого сообщества): «Не меньшего внимания заслуживает и мнение, что под именем “ятвяги” надо видеть не племя, а религиозное содружество – язычество, которое до распространения христианства являлось традиционной (народной) верой наших дедов. Допускается, что ятвягами называли языческих священников». В рассматриваемой статье Н.Н. Шелягович уже не прибегал к массовой пропаганде идеи балтской природы полешуков, отмечая, что «многие ученые считают Западно Полесье прародиной восточного славянства или частью прародины древнего славянства» (Шелягович 1992, 3). На протяжении всего периода развития западнополесского движения его активистами термины «полешук» и «ятвяг» употреблялись параллельно.

Некоторые имевшие место в реальности исторические сюжеты не нашли отражения в западнополесском историческом нарративе. Так, в текстах активистов объединения «Полісьсе» отсутствует упоминание об осадах г. Турова киевскими князьями в 1157 и 1160 гг. Князь Юрий Ярославович (Рюрикович), основатель турово-пинской династии, выдержал обе осады и отстаивал независимость г. Турова. Данный эпизод мог трактоваться активистами движения как

«ситуация успеха», но в то же время он подчеркивал включенность региона в общественно-политические процессы Древней Руси, что не соответствовало концепции «ятвяжской государственности». В текстах участников движения нет информации о вспыхнувшем в октябре 1648 г. в г. Пинске восстании, поддержку которому оказали казаки Б. Хмельницкого. Гетман ВКЛ Януш Радзивилл подавил восстание, уничтожив большую часть города. Игнорирование этого сюжета может быть связано с опасением Н.Н. Шеляговича и его соратников относительно возможного использования фактов сторонниками концепции украинской этнической природы жителей Западного Полесья.

Абсолютное большинство исторических деятелей, причисленных активистами движения к пантеону «западнополесских героев», никогда не имело особого «ятвяжского» национального самосознания. В частности, позиционировать Р.А. Скирмунта (1868–1939 гг.; крупный помещик, владелец имения Поречье близ Пинска, видный политический деятель Российской империи и межвоенной Польши, один из инициаторов создания Белорусской Народной Республики – несостоявшегося государства, провозглашенного в 1918 г. в условиях германской оккупации большей части белорусских земель) как «полесского будителя» исторически неверно. Этот политический деятель был одним из основных представителей неоднородного «краевого» политического течения, сущность которого заключалась в идее мирного сосуществования коренных народов бывшего ВКЛ (прежде всего поляков, литовцев и белорусов), признания их культурных прав. «Краевцы» стремились превратить эти народы в самостоятельный политический и культурный субъект, противостоять их русификации. При этом многие представители течения признавали особую цивилизационную миссию польской культуры в крае. Известно, что в имении Р.А. Скирмунта в 1907–1912 гг. функционировала тайная школа с обучением на польском языке. А.Ф. Смоленчук, исследователь биографии Р.А. Скирмунта, так характеризует данную ситуацию: «Последнее заставляет еще раз обратить внимание на специфику сознания элиты литовских и белорусских поляков, в котором польскость органично сочеталась с симпатией к другим местным культурам и языкам. Соответственно, можно было создавать тайные польские школы и одновременно поддерживать, например, развитие белорусской культуры и полесские традиции. Такая позиция полностью соответствовала принципам краевой идеи» (Смалянчук 2018, 201).

Не менее сомнительным выглядит отнесение к пантеону «западнополесских деятелей» российского этнографа и фольклориста Н.А. Янчука (1859–1921 гг.). Ученый родился в селе Корница на Подляшье (сегодня – территория Польши) и некоторые свои драматические произведения написал на языке родного села, который имел некоторые общие черты с литературной нормой, конструируемой Н.Н. Шеляговичем и его единомышленниками. Однако сам Н.А. Янчук не считал жителей региона отдельным народом, а рассматривал их как малорусскую ветвь русского этноса: «Представители русской ветви, издавна обитающей в Польше, или Забужье, служат нередко предметом спора не только между людьми, несведущими в антропологических и этнографических вопросах, но даже и между учеными: в то время как одни с полным основанием относят их к малороссам, другие готовы признать в них белорусов. Для меня, однако, несомненно, что русская часть сельского населения нескольких уездов Седлецкой губернии (Бельского, Константиновского, Влодавского, Радинского, Соколовского) должна быть отнесена к малорусскому племени, чему служат подтверждением как исторические, так и в особенности лингвистические данные» (Янчук 1913, 471).

Таким образом, активистами западнополесского движения фундамент исторического прошлого конструировался на основе мнимой традиции исчезнувших много веков назад средневековых государственно-племенных образований и их политического, культурного, экономического влияния, которое якобы по инерции существовало на протяжении последующих нескольких столетий. Исторические процессы после 1569 г. и до конца 1980-х гг. освещались в сугубо негативном ключе. Однако деятельности ряда персоналий, являвшихся уроженцами Полесья, придавались позитивные черты. Конструирование исторического нарратива происходило на основе поиска следов существования народа в далеком прошлом, обличения негативных условий жизни после 1569 г., а также выявления деятелей (необоснованно трактуемых как полешуки / ятвяги), чьи поступки заслуживали положительной оценки. Создаваемый исторический нарратив имел явные противоречия, отличался несистемностью, избирательной интерпретацией, сомнительной доказательной базой. Следует согласиться с гипотезой причин провала западнополесского национального проекта, предложенной известным белорусским ученым П.В. Терешковичем: «Причины

поражения “ятвяжской” идеи заслуживают более детального обсуждения. Чисто объективно она имела все предпосылки для реализации. Однако национальная мифология, созданная лидерами движения, оказалась чрезмерно сказочной для интеллектуалов и чрезмерно замысловатой и неестественной для основной массы интеллигенции (прежде всего – учителей), благодаря усилиям которой в первую очередь и создаются нации» (Церашковіч 1995–1996, 3).

Литература

- Антонюк Георгий. 1993. «Западные полешуки: их путь во всемирной истории». *Збудінне*, № 6: 2.
- Антонюк Георгий. 1993. «Западные полешуки: их путь во всемирной истории». *Збудінне*, № 7: 1–2.
- Антонюк Георгий*. 1993. «Западные полешуки: их путь во всемирной истории». *Збудінне*, № 8: 2.
- Антонюк Георгий. 1993. «Западные полешуки: их путь во всемирной истории». *Збудінне*, № 9: 1–2.
- Балесы Полісься* 1989. «Роздум вэдлук фактув». *Балесы Полісься*, № 4, 7. 1989.
- Батюшка А. 1992. «На славутих мыстынах Напалёна Горды». *Збудінне*, № 19: 2–4.
- Батюшка А. 1992. «Наш остатніј король». *Збудінне*, № 9: 3.
- Гарматны Віталь. 2017. Мадэрнізацыя сельскай гаспадаркі Палескага ваяводства ў 1921–1939 гг. *Гісторыя Беларусі ў XX ст. Памяці прафесара Івана Коўкеля: зборнік навуковых артыкулаў*, пад рэд. Аляксандра Горнага, 47–66. Гродна: ЮрсаПрынт.
- Збудінне* 1989. «От рыдколiгiі». *Збудінне*, № 1: 1–3.
- Збудінне* 1990. «Lietuvos kultūros kongresas». *Збудінне*, № 5–6: 2–3.
- Збудінне* 1990. «Бульба и бульбаші. *Збудінне*, № 13: 1, 6.
- Збудінне* 1990. «Комунызм чы капыталызм». *Збудінне*, № 3: 4.
- Збудінне* 1992. «Punská Sliechta». *Збудінне*, № 19: 4.
- Казак Олег. 2022. Объективный взгляд на причины и предпосылки начала Второй мировой войны. *Гісторыя і грамадазнаўства*, № 2: 23–27.

- Касьянов Георгий. 2019. *Украина и соседи: историческая политика. 1987–2018*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Курилла Иван. 2023. *Битва за прошлое: Как политика меняет историю*. Москва: Альпина Паблишер.
- Лукашэвич К. 1991. «Лычыв своїм обовязком...» *Збудінне*, № 3: 2.
- Малинова Ольга, Миллер Алексей. 2021. Введение. Символическая политика и политика памяти. *Символические аспекты политики памяти в современной России и Восточной Европе: сборник статей*, под ред. Владимира Лапина и Алексея Миллера, 7–37. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- НАРБ, ф. 1515, оп. 1, д. 56. «Плакаты с рекламой газеты “Збудінне”», Минск, 1990 г.
- НАРБ, ф. 968, оп. 1, д. 4090. «Письмо Общественно-культурного объединения “Полісьсе” Председателю Верховного Совета БССР Николаю Дементю и членам Комиссии по национальной политике и межнациональным отношениям Верховного Совета БССР», Минск, 1991 г.
- Национальный архив Республики Беларусь [НАРБ], ф. 968. оп. 1. д. 2511. «Письмо Общественно-культурного объединения “Полісьсе” депутатам Верховного Совета БССР», Минск, 24 ноября 1989 г.
- Смалянчук Аляксандр. 2018. *Раман Скірмунт (1868–1939): жыцццяніс грамадзяніна Краю*. Мінск: Выдавец Зміцер Колас.
- Трушкув Ляксандр. 1990. «Польшукуы: Зы мыжою и вдома». *Збудінне*, № 8, 5–6.
- Цадко Ольга. 2013. Этническая идентичность населения Полесья в идеологии общественно-культурного объединения «Полісьсе». *Наше мнение*. Последний доступ 8 июля 2023 г. <https://nmnby.eu/news/analytics/5285.html>.
- Центральный научный архив Национальной академии наук Беларуси (ЦНА НАНБ), ф. 1п, оп. 1, д. 126. «Протокол заседания кафедры философии Академии наук Беларуси», Минск, 3 ноября 1992 г.
- Церашковіч, Павел. 1995–1996. Ад рэдакцыі. *Форум. Інфармацыйна-культурны бюлетэнь*, № 2: 2–3.

- Шевченко, Кирилл. 2008. Кризис идентичности и возникновение альтернативных этнических идентичностей у восточных славян: полешуки в Белоруссии. *Белоруссия и Украина: История и культура. Ежегодник 2005/2006*, гл. ред. Борис Флоря, 318–342. Москва: Индрик.
- Шелягович Микола. 1992. «Ятвяги – были! Но кем они были? » *Пінскі веснік*, 30 красавіка, 3.
- Шеляговіч Мікола. 1982. Голас старажытных балтаў. *Голас Радзімы*, 25 лістапада, 2.
- Шеляговіч Мікола. 1989. Яцвяжскае (палескае) адраджэнне. *Беларуская мова і літаратура ў школе*, № 12: 7–8.
- Янчук Николай. 1913. К антропологии малорусов-подлясан. *Сборник в честь семидесятилетия профессора Дмитрия Николаевича Анучина*, 471–482. Москва: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнеров и К.

Professor Dr. Oleg Gennadievich Kazak, Republic of Belarus

Department of Political Science, Belarusian

State Economic University

Minsk

HISTORICAL NARRATIVE AS A TOOL FOR THE FORMATION OF THE ALTERNATIVE ETHNIC IDENTITY

(Based on materials from the Western Polesie ethnopolitical movement in Belarus)

Apstract

The article examines the main tools for constructing their own historical narrative by activists of the Western Polesie movement led by N.N. Shelyagovich in the late Soviet period and in the first years of the existence of sovereign Belarus. Various sources are analyzed (materials from the newspapers “Balesy Polissya” and “Zbudinne”, appeals from the leaders of the movement to the authorities), through which activists of the ethno political movement tried to substantiate the national and cultural identity of the residents of the Brest region of Belarus and their right to obtain autonomy.

Keywords: *Western Polesie ethnopolitical movement, historical memory, historical narrative, Yatviyag theory.*